

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Папа римский Сильвестр II
обладал поистине
прогрессивными и
энциклопедическими
знаниями, и в преддверии
конца света в 1000 г. н. э.
он изобрел «терафима» —
человеческую голову,
отвечающую на любой вопрос.
Не она ли стала началом
Апокалипсиса?

Лариса КАПЕЛЛЕ

Оракул Апокалипсиса

Лариса Капелле
Оракул Апокалипсиса
Серия «Артефакт & Детектив»
Серия «Кася Кузнецова», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12165656
Оракул Апокалипсиса: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84121-9

Аннотация

В конце первого тысячелетия католическая Европа замерла в ожидании предсказанного Апокалипсиса. Папа Сильвестр II, который был очень образованным человеком, показывал особо доверенным лицам Оракула – некую «Говорящую Голову». Никто точно не знает, что это было на самом деле... У прогрессивного папы было много врагов, обвинявших его в сговоре с дьяволом, поэтому нет ничего удивительного, что Сильвестр II досрочно покинул этот бранный мир. Вместе с ним исчез и загадочный терафим – Оракул... Ангелина Слепцова много денег тратила на благотворительность. Приехав на презентацию достижений одного из фондов, в который она вложила немалые средства, Ангелина ожидала увидеть все, что угодно, но никак не отрезанную голову профессора, задействованного в работе над созданием современного терафима. Вскоре был убит еще один

из ученых, занятых в проекте, а на Ангелину было совершено покушение...

Содержание

Глава 1. Где человек не сможет, там и Бог не поможет	6
Глава 2. Приятные слова	30
Глава 3. Право на ошибку	51
Глава 4. Милые люди	66
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Лариса Капелле

Оракул Апокалипсиса

© Капелле Л., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1. Где человек не сможет, там и Бог не поможет

*Год 999 после Рождества Христова.
Священная Римская империя, Констанц*

День, обычный и серый, как и все предыдущие и все последующие дни Густавиуса, подходил к концу. Впрочем, Господа гневить ему было незачем. Брюхо не урчало от голода, и от холода спасала изрядно поношенная, но почти целая мантия из великолепной фламандской шерсти, да еще подбитая кроличьим мехом. Эта мантия ему досталась после смерти богатого торговца Вильфрида Кирстнера. Благочестивая и богобоязненная вдова Вильфрида Матильда пожертвовала одежду мужа церкви. А настоятель церкви Святой Берты отец Иероним, благоволивший Густавиусу, дал ему возможность выбрать первым. Жалко только, что ноги покойного были маленькими, от сапог пришлось отказаться. Но мантия была хорошей, очень хорошей. Еще ему досталась теплая меховая шапка. И со спины Густавиуса можно было принять за приличного горожанина. Правда, только со спины. Стоило ему повернуться лицом, и любому было ясно, что перед ним – самый обыкновенный и заурядный бродяга. Был Густавиус

без роду без племени. Да и имя было сложновато для такого нищего, как он. Всему виной предшественник отца Иеронима, отец Титус. Когда крестил ребенка бездомной бродяжки, решил приставить к обычному имени латинское окончание, для красоты и для просвещения. Хотя, кто его знает, может, поэтому и досталось бродяжке самое удобное для прошения милостыни место – церковная паперть, сидение на которой стало для Густавиуса чем-то вроде постоянной работы.

В свободное от прошения милостыни время Густавиус промышлял по мелочам. Брался за все. Особой брезгливости у него не было, да и откуда ей взяться? Это счастливые баловни судьбы, родившиеся в рубашке, спавшие в собственной постели у весело трещавшего очага, могли выбирать. Густавиус же подобной роскоши позволить себе не мог. Поэтому и согласился на работу, предложенную неким Бертольдом Вюртембергским. Кем был этот самый Бертольд, Густавиус толком не знал. Вроде бы имел какое-то отношение к церковному сословию, был чем-то вроде монаха-затворника, однако в монастыре не жил и от обычных священников предпочитал держаться в стороне. Зато частыми гостями его были епископ города Его Преосвященство Макариус, самые знатные горожане, и даже пару раз видели у него вчерашнего императорского наставника и сегодняшнего главу всех христиан папу Сильвестра II. Да и дом у монаха был странным. Снаружи – дом обычного богатого горожанина, и вход, как у всех, и общая зала со спальнями наверху, и кухня. Толь-

ко погреб был удивительным. Огромный, с высокими потолками, он был весь заставлен странными сосудами, на столах лежали чудные инструменты, и в углах стояли диковинные машины.

Впрочем, кем был на самом деле Бертольд Вюртембергский, Густавиусу было все равно. Главное, что благодаря ему он мог плотно набить брюхо в соседней с церковью таверне, не забывая пару огромных кружек ароматного пива. Хотя, может быть, кому-то другому работенка показалась бы и страшной, но не Густавиусу. Всего-то ничего, ночью помочь Бертольду выкопать тело одного из только что похороненных таких же бездомных бродяг без рода и племени или закопанных за церковной оградой преступников. Под покровом ночи труп относили Бертольду, могилу закапывали, а на следующую ночь приносили обратно на кладбище и клали на место, и все шито-крыто.

Кроме того, помогало Густавиусу и то, что он обретался в крошечной сторожке, примыкавшей к стене церковного кладбища. Так что к соседству отмучившихся на этом свете он привык с самого детства и нисколько не боялся. Это богобоязненные кумушки закатывали глаза и торопливо крестились, проходя мимо кладбища. Густавиус только саркастически улыбался. Если бы по-настоящему верили, то не боялись бы увидеть своего Господа. Он даже поделился своими сомнениями с отцом Иеронимом. Тот только усмехнулся:

– Ничего не поделаешь, люди слишком привязаны к зем-

ной жизни, к грешным радостям и своему телу, а смерть страшит, как и все неведомое.

– Почему? – удивлялся Густавиус. – Вы ведь каждый раз говорите, что смерть – освобождение и искупление земных грехов, дорога в волшебные сады рая.

Густавиус вспомнил совершенно чудесную гравюру с изображением райского сада с удивительной красоты деревьями, огромными плодами и ярко светящим солнцем, которую показывал ему в детстве отец Титус.

Как ни странно, Иероним помрачнел и отвел взгляд в сторону, словно и сам сомневался в правдивости собственных слов.

– Молчите, святой отец?!

– Да, сын мой, ты задал очень непростой вопрос.

– Что же в нем сложного?

Только ответа на свой вопрос так и не получил. Хотя, по большому счету, ему было все равно. Своему жилищу он был рад. Для такого бездомного, как он, любое пристанище было за счастье. Была дверь, худо-бедно защищавшая от пронизывающего до костей северного ветра, были тюфяк, набитый прошлогодней соломой, и несколько старых шкур. Королевское ложе, которое, несмотря на свою скудость, защищало беднягу от холода. Был даже маленький очаг. Но разжигать его Густавиус позволял себе только в самые холодные дни. В обычные зимние ночи он не прикасался к драгоценному запасу хвороста и перепавшим от Бертольда настоящим по-

леньям. Так что работа на странного монаха была для бродяги выгодной во всех отношениях. И выкапывание-закапывание трупов его нисколько не смущало. Мертвым было все равно. В этом Густавиус был совершенно уверен. И что такое угрызения совести, он не знал, как, впрочем, и что такое совесть. Совесть была слишком большой роскошью. Ему был известен страх возмездия и воздаяния за грехи, страх попасть после смерти на горячие сковородки ада. Но в глубине души он был уверен, что ад всем живущим уже хорошо известен, и он здесь, на земле. Но земная жизнь коротка, а перед смертью он не робел, хотя и не торопил костлявую старуху с остро отточенной косой. Всегда успеется. Единственное, что страшило, – оказаться в этом аду навечно и никогда не увидеть волшебные сады рая.

Зимний сумрак опускался быстро, и скоро все накрыло черным покрывалом ночи. Густавиус в темноте ориентировался прекрасно и уже через пару минут был на северном, предназначенном для бедняков, краю кладбища. На этот раз Бертольд ждал его не один. С ним был какой-то высокий сухой мужчина, разговаривавший со странным акцентом. Бертольд коротко объявил нищему, что на этот раз никого выкапывать не придется, а надо будет только закопать поглубже вот это, и жестом указал на нечто, укрытое полотном. Густавиус послушно кивнул головой и принялся за работу. О том, что лежало на носилках, он предпочитал не думать, хотя впервые ему было не по себе, и вопрос, что было под тем-

ной тканью, не давал покоя. Внезапно огромный вынырнувший из-за облаков лунный диск осветил все вокруг безжизненно-белым светом. Налетел порыв пробирающего до самых костей северного ветра. Густавиус поправил пояс, придерживающий мантию. Но ветер не унимался. Стараясь защитить лицо, мужчина повернулся к ветру спиной. Полотно слетело с носилок, и под ним... И теперь уже не холод заставил Густавиуса задрожать, а ледящий, сковывающий по рукам и ногам ужас. Никогда в жизни ему не приходилось видеть более страшного зрелища. Перед ним были выложены шесть скрючившихся высохших телец. Мертвецами были маленькие дети, даже скорее младенцы, но самое страшное... Бродяга не верил собственным глазам. Ни у одного из них не было... головы.

* * *

Ангелина Слепцова подставила солнцу лицо и улыбнулась собственным мыслям. Она сидела на террасе собственной парижской квартиры и наслаждалась жизнью. Этим утром у нее было особенно хорошее настроение. И вызвано оно было годовщиной знаменательного события, полностью изменившего Ангелинино существование. В жизни среднестатистических людей такими замечательными событиями обычно были свадьбы, рождение детей, карьерные взлеты и прочее. Жизнь же мадам Слепцовой стала праздником после случив-

шегося год назад развода. И вопреки общепринятому отношению к подобным событиям Ангелина, в российском прошлом Лина, а в швейцарско-французском настоящем Анжи, рассматривала случившееся с точки зрения, может, и пронафталиненной, но удивительно точной народной мудрости. «Не было бы счастья, да несчастье помогло!»

Развод освещался целым рядом средств массовой дезинформации. Ангелина по совету адвоката надевала черные очки. Они придавали ей слегка скорбный вид, но, самое главное, скрывали и от взгляда судьи, и широкой публики блестящие от удовольствия глаза. Потому что подобное выражение никак не вязалось с отважной битвой, которую вел ее единственный адвокат Феликс Штаубе против армии собственных собратьев, нанятых экс-супругом Ангелины Юрием Слепцовым. Битву Феликса кто-то даже назвал битвой Давида против Голиафа. Хотя на самом деле хрупким и маленьким Давидом в данном случае была армия слепцовских адвокатов, и сражаться ей приходилась вовсе не с Голиафом Штаубе, а с законами славной Швейцарской Конфедерации.

Все началось с того, что Юрий Слепцов, Ангелинина вторая половина, заработавший в лихие перестроечные и перестрелочные годы пару-тройку миллиардов, решил убрать-ся от греха и от конкурентов подальше. Тем более, выше-обозначенные конкуренты по правилам играть не любили, а предпочитали действовать по принципу: «Нет человека – нет проблемы». Слепцов был умным и, чем данное правило

ему грозило, понял сразу и без дополнительных объяснений. Поэтому и потянуло Ангелининого мужа к альпийским лугам и особенно – к приветливому швейцарскому налогообложению. Теперь за тягу к перемене мест ему приходилось расплачиваться. Остался бы в России – Ангелине пришлось бы отвоевывать жалкие крохи зубами и когтями. А швейцарское, вскормленное протестантизмом, законодательство привыкло все делить по справедливости, а неверных мужей в сопровождении очередного творения глянцевого журнала строго наказывать за отклонение от освященного Создателем союза.

Ангелина, впрочем, на суде рассказывать не стала, что поженились они со Слепцовым на скорую руку: загс, пара свидетелей и вечеринка в общаге. Хочется им верить в святость брака – пусть себе верят. Да и изменяли они друг другу давно и упорно. Просто в один не очень прекрасный момент Слепцов почему-то решил, что деньги зарабатывал он один, и Ангелине они совершенно не нужны. Анжи не согласилась с подобной постановкой вопроса и тем более – с подобным решением проблемы. Слепцов сдуру решил поиграть мускулами: мол, я самый крутой, а ты – болотная козявка, молчи и радуйся, если буду отстегивать пару тысяч в месяц. Ангелина благоразумно сделала вид, что испугалась, и Слепцова понесла косая в щавель. То есть сам подал на развод да еще зазную латиноамериканскую, прямоком сошедшую с рекламной обложки, повсюду стал за собой таскать. Мол,

раззудись, плечо, размахнись, рука, и знай наших. Покажем «драной Европе» кузькину мать и как русские гуляют. Разгромил пару люксов в самом фешенебельном отеле Сен-Морица. Его возлюбленная парикмахерше за плохо сделанную укладку физиономию слегка поцарапала – расстроилась, короче говоря. Потом неделикатного папарацци за волосы оттащила. Горячая кровь, ничего не поделаешь.

Только это Ангелине и было надо. Она с горестным видом приходила на процесс в сопровождении своего единственного адвоката – мол, не до жиру. Публика прониклась сочувствием к такой достойной мадам. Слепцов продолжал буянить и показывать всем, где раки зимуют. А Ангелина спокойно ждала, пока отлаженная, как знаменитые швейцарские часы, юридическая машина Конфедерации камня на камне не оставит от ее законного супруга. Ее расчеты оказались правильными. «Драная Европа» нотаций Слепцову читать не стала, просто-напросто оттяпала шестьдесят процентов состояния. Сорок – в пользу Ангелины, а двадцать ушло на судебные издержки и штрафы. Попутно выяснилось, что Слепцов время от времени уклонялся от уплаты налогов. Бывший Ангелинин муж ошибку понял, только было уже поздно. Поэтому без особого шума ошипанным петухом облагоразумившийся мужчина перебрался на постоянное место жительства в Люксембург и больше никому ничего не доказывал. Теперь не до жиру было уже ему.

Ангелина же была на седьмом небе от счастья. Она была

свободна и, самое главное, богата, очень богата. Но в отличие от Слепцова деньгами сорить не стала и молодого любовника не завела. Смысла в этом не видела. Женевскую квартиру с согласия мужа передали сыну с невесткой Даниэлой. У них к тому времени уже росла дочка. Бледное, невзрачное существо с роковым и загадочным именем Манон. Ангелина как себя ни ругала, но к внучке при всех усилиях привязаться не могла. Она всегда ей казалась полной копией матери, хотя, по утверждению всех окружающих, внучка больше была похожа на Валентина. Поэтому рядом с сыном и невесткой Ангелина оставаться не стала. Купила шале в Швейцарских Альпах и квартиру в Париже. Весь остальной капитал вложила в ряд солидных фондов, страховок, оставив приличные суммы для своего любимого занятия – игры на бирже. Теперь оставалась последняя проблема и, как выяснилось, не из самых простых: чем заполнить собственное новое свободное и богатое существование. Когда-то не самый глупый человек на земле Оскар Уайльд заявил, что самое высшее «искусство жизни» – это «находить соблазны». Оказалось, англичанин не преувеличивал.

Правда, вначале Ангелина подобную трудность недооценила. Она стала называть себя Анжи, переехала в Париж, завела лучшего парикмахера, личного стилиста, визажиста и стала упорно посещать светские приемы. Потом все это ей благополучно надоело, тем более, она заметила, что если ее и приглашали, то исключительно на благотворительные ак-

ции. И в один момент процесс подписывания чеков начал ее слегка напрягать. Она стала к новым знакомствам относиться более разборчиво и чеки подписывать перестала. Как только перестала разбрасываться деньгами, плотный ряд новых знакомых изрядно поредел. Но Анжи это нисколько не расстроило. Жизнь научила ее действовать по принципу «баба с возу, кобыле легче». Она продолжала вести существование, которое ей очень даже нравилось, мудро полагая, что за людьми, с которыми приятно и интересно общаться, дело не станет, надо только подождать. И на этот раз благоразумная Ангелина Слепцова не ошиблась.

Как нашли друг друга Ангелина и Марго – история умалчивала, вернее, не помнила. Были какие-то смутные воспоминания о том, что вроде бы Ангелина толкнула Марго в знаменитом парижском «Bon marche»¹. На что парижанка ответила язвительной репликой. Ангелина за ответом в карман не полезла. В общем, намечавшаяся хорошая потасовка закончилась в баре за стаканом шампанского и тающими во рту тарталетками. Ангелина настояла на том, что платит она. И после Марго и «нахальная русская» стали подружками «не разлей вода». Так скажем, что две дамы примерно одного возраста и со сходными взглядами на жизнь нашли друг друга. Обнаружили, что придерживаются похожих жизненных принципов, главным из которых был «хрен, положенный на мнение окружающих». Именно он и помогал обеим

¹ Крупный универмаг.

вести спокойное и счастливое существование.

Кому-то другому Марго бы показалась эгоистичной, взбалмошной, слегка самодуркой. Но Анжи на мнение этого кого-то другого было искренне наплевать с самой высокой парижской крыши. С Марго было интересно, как может быть интересно с состоявшейся, уверенной в себе на все двести процентов и, самое главное, терпимой к собственным, а поэтому и к чужим слабостям женщиной. Тем более, в Марго было то, чего Ангелине, по ее собственному признанию, никогда не хватало: полная и непоколебимая убежденность в собственной значимости, уникальности и неповторимости. Правда, иногда это качество невероятно раздражало, но Ангелина научилась мириться и с этим.

– Марго, постарайся освободиться сегодня пораньше, – уговаривала она подругу по телефону, – мне не хочется опаздывать.

– Подумаешь, небольшое получасовое опоздание никому особенных проблем не доставит, – отмахивалась ее собеседница.

– Неприлично, мне давно хотелось с ними познакомиться.

– Ma chérie (моя дорогуша), расслабься, – не обращала внимание на серьезность ситуации Марго, – рассматривай это с точки зрения, что это важно прежде всего для них, а не для тебя. Деньги правят миром, дорогуша, и они на твоей стороне!

– Вот я как раз не хотела бы казаться обвешанной драго-

ценными камнями свиньей! – начинала возмущаться Ангелина.

– Но при чем тут это! Просто ты никак не научишься себя вести как желанная и ожидаемая женщина, которая всегда может себе позволить небольшую задержку. Это даже мило!

– Ты невозможна! Подумай только, в какое ужасное положение ты меня ставишь!

– Не я, а ты сама себе придумываешь проблемы. Оставь свою английскую вежливость и стань посвободнее!

– Иногда я готова тебя убить! – призналась Ангелина.

– Ой, неужели все так серьезно! – с вполне искренним испугом воскликнула Марго.

– Что – серьезно? – напряглась Анжи.

– Тебе понравилась эта «постная рожа»!

«Постной рожей» она почему-то сразу назвала их нового знакомого, известного ученого Флориана Лориса. Лорис был им представлен общим другом на одном из благотворительных приемов, посвященных сбору средств на изучение загадок человеческого мозга и борьбе с нейродегенеративными заболеваниями вроде болезни Альцгеймера.

– С чего ты взяла?

– Ты хочешь, чтобы я тебе выложила логические доводы и выводы?

– Выкладывай.

– Не буду напрягать ни тебя, ни себя, дорогуша, просто догадалась. Ну все, до вечера, и не переживай, «постная ро-

жа» будет твоим, даже если ты опоздаешь на два часа!

Ангелина только вздохнула. В такой ситуации спорить было занятием полностью бесполезным. Тем более с Марго, девизом которой была фраза Киплинга о том, что «женская догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность». Хотя полностью согласиться с Марго она не могла. Лорис был интересным мужчиной, и с ним было не скучно. А сегодня они были приглашены на очередное заседание фонда, совмещенное с презентацией какого-то нового проекта. Флориан хотел показать Ангелине, на что в реальности идут ее жертвования. Невыносимая Марго совершенно не понимала, что на такого рода собрания почтенной публики являться с опозданием неприлично. Но спорить с Марго было бесполезно, поэтому Ангелина переключилась на более приятные размышления.

Вечером она в назначенное время заехала за Марго, и они действительно опоздали всего лишь... на сорок пять минут. Лорис их уже ждал. Это был высокий, импозантный мужчина со строгими, почти аскетичными чертами лица, богатой, рано поседевшей шевелюрой. Ангелина находила его манеры приятными и их обладателя симпатичным. Марго же никак не желала отказываться от первого впечатления и упорно называла Флориана «постной рожей». Такие надменные и пафосные лица всегда выводили ее из себя. Не говоря уж про американизированную, во все тридцать два с половиной импланта, улыбку.

– Рад, что вы все-таки приехали! – тем временем он сделал упор на «все-таки», и Ангелине сразу почему-то захотелось оправдаться.

– Если бы вы знали, каких жертв нам стоило вырваться! – не дала ему преимущества Марго. И с удовольствием отметила как по команде исчезнувшую улыбку и кислое выражение, ее сменившее. «Тебе-то я как раз не по зубам, мой милый друг!» – явно не без злорадства пронеслось в ее голове.

Маститый ученый еле заметно пожал плечами. Огромный зал был заполнен народом. То там, то сям мелькали вспышки фотоаппаратов, несколько пробравшихся неизвестно каким способом зевак толкали друг друга локтями, указывая то на одних, то на других знаменитостей, осчастлививших собрание собственным присутствием.

– Ваш фонд пользуется успехом, – заметила Марго.

– Любому человеку интересна разгадка тайн собственно-го мозга и его сверхъестественных свойств, – важным тоном начал Лорис, – а тем более, если ему обещано увеличить эти самые способности в несколько раз.

– Даже если они нулевые, – с непонятным подтекстом произнесла Марго.

– В каком это смысле? – напрягся руководитель фонда.

– А в том, что ноль, увеличенный в несколько раз, остается нулем, – заявила парижанка и подняла на Лориса совершенно невинный взгляд.

С узких губ ученого почти готова была сорваться язви-

тельная реплика. Но огромным усилием воли «постная рожа» сдержал вполне понятный порыв заткнуть рот такой невоспитанной особе, которой оказалась лучшая подруга его благотворительницы. Марго же без всякого намека на угрызения совести с удовольствием наблюдала за усилиями, которые прикладывал Лорис, чтобы не послать ее ко всем чертям. Демонстрируя чудеса самообладания, ученый подвел дам к трибуне и, извинившись, оставил одних.

– Ты что, с ума спрыгнула! Что он тебе сделал? – ткнула Ангелина в бок Марго так, что та даже вскрикнула.

– Ну, не нравится он мне! – объяснила Марго. – И перестань драться!

Тем временем на трибуну вышел высокий симпатичный брюнет лет сорока.

– Филипп Берже, один из самых талантливых участников проекта! – вполголоса представил говорившего Лорис.

Дамы изобразили заинтересованный вид. Суть выступления Берже сводилась к следующему. Воспроизведение человеческого мозга было необходимым в первую очередь для борьбы с нейродегенеративными заболеваниями, проблемами, вызванными старением мозга. И эта программа вовсе не собиралась создавать машину, способную заменить человека, – «никакого Терминатора создавать мы не собирались и не собираемся». Целью было создание промежуточного аппарата, интерфейса между мозгом и искусственным разумом. Насколько поняла Ангелина, они собирались ни мно-

го ни мало подключить человеческий мозг к компьютеру напрямую. Все получалось, как в хорошем научно-фантастическом романе: мозг благодаря этому сможет прямо управлять компьютером, и человеческие возможности автоматически увеличатся в несколько раз. Перспективы открывались одна заманчивее другой. В речи оратора мелькали слова и словосочетания вроде «центральный процессор», «оперативная память», «экзокортекс» и т. д. Впрочем, Анжи всерьез к выступлению ученого не прислушивалась. Она раздумывала над предложенным ей сегодня пакетом акций, обещавшим в случае успеха астрономическую прибыль, а в случае поражения – таких же размеров потери. Ответ нужно было дать уже завтра утром. Риск, по ее мнению, был, конечно, делом благородным, и кто не рисковал, никак не мог выиграть. Но она все-таки предпочитала риск в разумных пределах и решила ограничиться сравнительно небольшой суммой. Марго же, наоборот, с непонятным волнением наблюдала за Филиппом Берже. Почему, понять она не могла. Конечно, он был привлекательным и каким-то вдохновенным, что ли. И еще в нем чувствовались внутренняя сила и такая убежденность в собственной правоте, которая в буквальном смысле заражала зал. Все без исключения глаза обратились к нему, и высокоученая толпа ловила каждое его слово. Он был великолепным оратором, и вся эта занудная нейродегенеративная тематика занимала его всерьез. Но было еще что-то, что именно – Марго никак не могла определить, и это выводило

ее из себя. Она, как зачарованная, следила за выступлением ученого и уже через несколько минут искренне сожалела, что понимает все серединка на половинку. И еще у Филиппа были удивительно выразительные и красивые руки.

Поэтому ни Ангелина, ни Марго абсолютно не обратили внимания на странного пожилого человека, подошедшего к ним и стоявшего рядом уже несколько минут. И зря не обращали внимания, потому что субъект заслуживал самого пристального изучения. Во-первых, удивляли его глаза – разного цвета, один карий с черной каемочкой, а другой зеленоватый с коричневыми искорками. Потом, приглядевшись, внимательный наблюдатель мог отметить, что мужчина состоял из совершенно разных кусков. Слово у Создателя в последний момент под рукой оказались непригодившиеся остатки, и он, не задумываясь, слепил из них живое существо. Нос был бы красивым и совсем аристократическим, если бы не сдвинутая влево косточка, губы были пухлыми, как у ребенка, и кожа совершенно по-детски розовой, лоб был высоким, но вогнутым, одно ухо было оттопыренным, а второе красиво прилегало к голове, даже волосы росли вкривь и вкось, словно не зная, в какую сторону им податься. В общем, не человек, а нарисованное прихотливой рукой гения кубизма произведение. Наконец мужчина решил обратить внимание дам на себя. Он прокашлялся и приготовился было заговорить, но в этот момент неожиданный шум привлек внимание аудитории. Филипп Берже замолчал. Все, как один, повер-

нулись к правому углу зала. Там, похоже, началась какая-то потасовка. Со всех сторон спешили сотрудники безопасности. Публика напряглась. Марго закрутила головой в поисках наиболее безопасного выхода.

Но тревога оказалась напрасной. Шум в углу быстро утих, и было видно, как из зала вывели какую-то экзотично одетую женщину с ярко-рыжими волосами и плакатом с неразборчивой надписью в руке. У Ангелины возникло впечатление, что она эту даму уже где-то видела. Действительно, пройти мимо и не обратить внимание на такую женщину было трудновато. Только, как она ни пыталась, не могла вспомнить, где и при каких обстоятельствах они встречались.

– Ничего особенного, очередная активистка, протестующая против опытов на животных, – с непонятной брезгливостью произнес стоявший рядом мужчина.

Только в этот момент Марго и Ангелина обратили внимание на занятого персонажа, стоявшего рядом.

– Вы ее знаете? – поинтересовалась Ангелина.

– И да, и нет, – неопределенно заявило творение Пикассо и тут же поспешно добавило: – Точнее будет сказать, знал.

Почему он говорил о скандалистке в прошлом времени – было непонятно, но Ангелина не успела задуматься над этим, как Марго задала свой вопрос:

– А что, они практикуют опыты на живых существах?

– А как вы думаете, для создания этого самого экзокортекса, о котором они столько говорят, просто необходимы

опыты на живом мозге. Добровольцев на такие опыты нет, проводить их в третьих странах – в эпоху Интернета и других средств информации – себе дороже. Вот шимпанзе за нас, как всегда, отдуваются, – пожал плечами собеседник, он явно был рад поговорить.

– То есть опыты на самом деле проводятся на живом мозге? – с некоторой брезгливостью переспросила Марго.

– А куда деваться, нужно же проверять теории на практике! В старину опыты на людях проводились. Вспомните говорящие головы древности, сколько младенцев головы в самом прямом смысле слова на плаху науки сложили?!

– При чем тут младенцы? – встрепелась Ангелина.

– Их мозг более податливый...

– Генрих, что ты несешь! – возмущенно прервал их вернувшийся Лорис. – Наши гости могут воспринять твои рассказы всерьез! Не обращайтесь к Генриху – странная манера шутить, – через силу улыбнулся он, – кстати, позвольте вам представить Генриха Фроста. Это известный специалист по истории медицины и по совместительству – управляющий финансами нашей ассоциации. Хотя, конечно, основную работу выполняют квалифицированные бухгалтеры, – добавил он, вспомнив значительные суммы, пожертвованные Ангелиной, – мы не любители, не беспокойтесь.

Лорис многозначительно посмотрел на Фроста, тот понял намеки без слов. Асимметричный человек раскланялся и растворился в толпе. Правда, осадок в головах женщин остал-

ся. Но они быстро справились с неприятным ощущением. Тем более, Флориан искусно перевел разговор в другое русло. Потом председатель отвел Ангелину в сторону и представил группе оживленно спорящих мужчин. Марго, воспользовавшись ситуацией, приблизилась к Филиппу Берже. Этот человек ее заинтересовал. Почему? Именно это ей и захотелось понять. Мужчина тут же обернулся. Завязался разговор, легкий, ни к чему не обязывающий. Понравился ли ей его доклад, какая проблема ей показалась интересной в частности, и каким ветром ее занесло на это ученое заседание в целом. В первой части разговора Марго удалось отделаться парой одобрительных фраз. Хотя она тут же дала себе слово дома прочитать внимательно доклад, уже выложенный в Интернете. На второй части беседы она остановилась поподробнее. Собственная личность всегда интересовала ее больше, чем все науки, вместе взятые. И Филипп оказался внимательным слушателем.

Ангелина, слушая вполуха разглагольствования стоявших рядом мужчин, наблюдала за подругой. Марго эффектно выделялась на фоне присутствовавших женщин. Яркая брюнетка с неправильными, но интересными чертами лица, она всегда умела выгодно подчеркнуть собственные достоинства, одновременно скрывая недостатки. Она не была красивой, скорее – бросающейся в глаза, мимо которой не пройдешь и которую не скоро забудешь. Филипп слушал свою собеседницу внимательно, не мигая, и его лицо медленно, но верно

расплывалось в широкой, радостной улыбке. Невооруженным глазом было видно, какое удовольствие ему доставляет беседа с ней. И казалось, уже ровным счетом ничего не осталось от вдохновенного оратора, только очарованный своей новой знакомой мужчина: не очень ловкий и явно не обладающий необходимым опытом общения с представительницами прекрасной половины человечества. «Как быстро она его приручила! – легким уколом ревности пронеслось в Ангелининой голове. Но она тут же успокоилась – не будешь же завидовать скрипачу-виртуозу. Кому-то дано, а кому-то нет. Один прикоснется к скрипке, и польются чарующие звуки Вивальди, а результатом общения другого с тем же инструментом будет мелодия, смахивающая на дружный хор мартовских котов или скрип несмазанных дверей.

Так и весь последующий вечер протекал самым приятнейшим образом. И подруги уже не вспоминали неприятное происшествие, случившееся вначале. Марго, к великому облегчению своей подруги, даже ни разу не подколола Лориса, вела себя пайнкой и даже самым милым образом распрощалась с ним и с Филиппом. Наконец с чувством удовлетворения от приятно проведенного вечера они вышли на улицу, с удовольствием вдыхая свежий вечерний воздух. Такси припозднилось, но даже это не портило им настроения. Правда, когда подруги направились к машине, они вновь столкнулись с рыжеволосой незнакомкой.

– Выслушайте меня, пожалуйста! Мы уже с вами встреча-

лись, возможно, вы меня не помните, но я вас хорошо запомнила. Благотворительный вечер в парижской мэрии, Женевьева Бренон, мы еще говорили об ассоциации Брижит Бардо? – с ноткой отчаяния воскликнула она.

Теперь Ангелина поняла, почему это лицо и огненная шевелюра показались ей знакомыми. Память нехотя, но послушно вытаскивала из запасников давнюю встречу. Правда, честно признаться, для Ангелины Женевьева Бренон тогда была в первую очередь не очень желанной претенденткой на очередной чек. А в этот период, как уже было сказано раньше, процесс подписания чеков стал ее напрягать, и знакомство она продолжать не стала. И теперь эта странная женщина вновь взывала к ее помощи.

– Позовем полицию! – тем временем предложила Марго, явно оскорбленная экзотическим видом незнакомки. Любые посягательства на хороший вкус были для Марго преступлением против человечества. И это несмотря на то, что в общем и целом парижанка весьма терпеливо относилась к чужим и собственным недостаткам.

– Давай послушаем, говорят, – решила Ангелина.

– Вы меня принимаете за взбалмошную идиотку! – торопливо зашептала женщина. – Но вы даже представить себе не можете, о чем идет речь!

– Это вы об опытах на животных? Нас все это совершенно не касается! – заявила Марго. – Обращайтесь в лигу защиты наших меньших братьев и оставьте нас в покое!

– Животных?! Но речь идет не только о животных! Слушайте, нам необходимо поговорить, но не здесь и не сейчас! – Она нервно огляделась, потом с ноткой отчаяния в голосе продолжила: – Мы можем встретиться в другом месте, я могу вам позвонить?

– Хорошо, – только пожала плечами Ангелина и протянула визитную карточку, – только в дневные часы, пожалуйста. Я не люблю, когда меня беспокоят по утрам и вечерам, – уточнила она.

– Ты – сумасшедшая! – возмутилась Марго, когда женщина отошла. – Давать свой номер всем встречным-поперечным! Тем более – такому чуду в перьях! У нее явно не все дома, да еще мания преследования в придачу. Ты заметила, как она озиралась?

– Да ладно тебе, не преувеличивай. А потом, мне просто стало интересно, – призналась Ангелина и шутливым тоном добавила: – В конце концов, должна же я знать, на что расходуются мои кровные!

Глава 2. Приятные слова

*Год 999 после Рождества Христова.
Священная Римская империя, Констанц*

Отца Иеронима, настоятеля прилепившейся к городскому кладбищу церкви Святой Берты, разбудил затемно громкий стук. Кто-то нещадно колотил в дверь.

– Отец Иероним! Вставайте! – раздавался зычный голос оружейника Кривого Ганса.

Он поежился, нехотя выбрался из нагретой за ночь постели, нащупал голыми ногами домашние туфли из мягкого войлока и, набросив теплую накидку из овечьей шерсти, поплелся к двери.

– Кто?

– Отец Иероним! Густавиус сгорел!

Настоятель только охнул и задрожавшими внезапно руками отодвинул засов. В комнату в клубах морозного воздуха ввалился глава караула оружейников. Так было установлено уже больше двадцати лет, что каждую ночь Констанц охранялся сменным караулом, в состав которого входили все представители мужского пола города. Только слишком юные или дряхлые были освобождены от этой повинности, и само

собой разумеется, что калек тоже никто не тревожил. Эту неделю охрану несли жители квартала оружейников. Архиепископ Констанца устанавливал с избранным городскими старейшинами бургомистром очередность каждого квартала. Нужно сказать, что это нововведение позволило наконец городу вздохнуть спокойнее. Правда, были и недовольные – те самые душегубы и разбойники, которых лишили возможности легкой наживы. Но их мнения, слава богу, никто не спрашивал. Выгода была и для городской казны. Такая стража стоила гораздо дешевле, нежели нанятые архиепископом профессиональные воины. В общем, сплошные плюсы, причем, на минусы никто бы в таких условиях и внимания не обратил, не до жиру.

Взору потрясенного отца Иеронима предстало мрачное зрелище: обугленные остатки сторожки, предусмотрительно залитые парой ведер воды, и внутри... все, что осталось от бедняги Густавиуса. Настоятель в бессилии поднял свой взор к небу. Рассветное солнце поднималось в серой дымке, не согревая и не освещая. Темные, угрожающие тучи спешили с севера, чтобы окончательно прогнать любые проблески небесного светила. Иероним опустил голову.

– Вот сволочи, – рассуждал тем временем Кривой Ганс, – все продумали!

– Что продумали? – встрепенулся Иероним.

– А то, что не оставили бедняге никакой надежды на спасение, – с гневом отчеканил тот, покачивая головой.

– Объясни! – потребовал настоятель, безуспешно всматриваясь в мрачную сцену.

– Дверь-то была закрыта снаружи!

Иероним непонимающе уставился на Ганса, но тот без слов указал на остатки металлической задвижки.

– Только одно непонятно: кому понадобилось убивать такого бедняка, как Густавиус? – наморщил лоб оружейник. Его единственный глаз внимательно рассматривал все кругом. Второй был закрыт черной повязкой, его выжгло брызгами жидкого железа.

– Ты уверен, что это не несчастный случай?

– Уверен, отец.

Другие члены караула кивнули головами в знак согласия. Авторитет Кривого Ганса был непререкаем.

Для отца Иеронима все случающееся с любым из земных людей было делом Божиим. Блаженны верующие в Царствие Небесное, и он был именно таким блаженным. Он не роптал, даже когда его жена Хильдегунд умерла при родах, давая жизнь долгожданному первенцу. Маленький Теобальд ненадолго пережил мать. Плачущий отец только успел окрестить и наречь младенца, как тот воссоединился с матерью. Так их и похоронили в общей могиле. Но Иероним покори́лся воле Господней. Раз так случилось, значит, так тому и быть. И его милая и спокойная Хильдегунд была счастливее и спокойнее в райской обители с их маленьким Теобальдом. А ему следовало оставаться и служить Господу на зем-

ле, помогать страждущим и вселять надежду в сердца. В общем, отец Иероним был кротким человеком, и ничто не могло привести его ни к великому гневу, ни к крайнему отчаянию, ни к чрезмерной печали. И самое главное, ничто не могло его заставить жаловаться на Создателя всего сущего. Но этим утром при виде изуродованного пламенем Густавиуса что-то перевернулось в душе Иеронима. Именно с этой минуты небывалое чувство гнева наполнило обычно его столь кроткую, голубиную душу. Нет, он не посчитал себя орудием божественной справедливости. Он никогда не был горделивым. Просто теперь он должен, просто обязан был найти и наказать убийц. Кривой Ганс с удивлением рассматривал маленького священника. Иеронимус словно стал выше ростом, сутулые плечи расправились, а в глазах засверкал непонятный огонь. Оружейник привык к незлобивому и всегда ровному нраву служителя. Но сейчас перед ним был другой человек, главной целью которого стала месть.

* * *

Звонок Лориса застал Ангелину в салоне ее любимого парикмахера. Она только взглянула на высветившийся номер, но отвечать не стала. Нужно сказать, что Флориан выбрал самое неподходящее время. Это было почти святотатством – беспокоить мадам Слепцову в такой момент. Жак был не просто хорошим парикмахером. Он был настоящим арти-

стом. И из ее среднестатистической, по собственному Ангелининому выражению, внешности ему удавалось создавать нечто почти утонченное, элегантно. словно скульптор, он отсекал ненужные, грубые куски мрамора и являл свету чудо, скрытую, никому не известную очаровательную женщину. Ангелина даже в самые свои лучшие, молодые годы, когда, по единодушному утверждению, она была чрезвычайно миленькой, не чувствовала себя настолько привлекательной. Кроме того, Жак ухитрялся устанавливать со всеми своими клиентками близкие, доверительные отношения.

Но Флориан не успокаивался.

– Ты можешь ответить, Анжи, – проворковал Жак, колдуя над непослушной прядкой.

– Подождет, – махнула она рукой.

– Поклонник?

– Хуже, – усмехнулась она.

– Неужели жених? Будь осторожна, дорогая, с твоей фортуной надо быть осторожнее со знакомствами! – выкатил и без того выпуклые глаза Жак. Теперь ее парикмахер напоминал рака, сходство усиливали щелкающие, словно клешни, ножницы.

– Не в этом смысле, но мои деньги его тоже интересуют. Он – председатель крупного фонда, занимающегося исследованиями мозга или чего-то подобного. Может, тебе знаком Флориан Лорис?

– Лорис! – Жак вздрогнул, и его ножницы щелкнули в пу-

стоте.

– Ты его знаешь?

Тем временем Жак пришел в себя и с деланным равнодушием покачал головой:

– Слышал пару раз, но не хочу об этом говорить, все это ерунда. И, кстати, совсем забыл, я хотел тебе предложить попробовать немного другой контраст, мне кажется, что он утончит линию носа и подбородка, а вот здесь я немного убегу, – перевел он разговор на другую тему.

– Я тебе полностью доверяю, – улыбнулась она, не придавая никакого значения только что случившемуся.

Лорису она перезвонила, только выйдя из салона.

– Я рад, что вас нашел, мадам Слепцова.

– Что-то срочное?

– И да, и нет. Просто хотел вас пригласить на небольшую презентацию, которая состоится в нашем исследовательском центре рядом с Кольмаром в Альзасе.

– Презентацию?

– Ну, скажем точнее, демонстрацию нашего последнего достижения. Я думаю, вам будет интересно своими глазами увидеть реализацию проекта, в который вы вложили такую солидную сумму? – по телефону приятный баритон Лориса завораживал. – Кроме того, будут присутствовать несколько известных ученых и другая, не менее престижная публика. Наш исследовательский центр располагается в старинном замке, часть которого была переделана в гостевой отель.

Местность чрезвычайно живописная, кухня, не побоюсь сказать, замечательная. Так что не пожалеете. Я уже вам скинул на мейл приглашение, посмотрите и дайте мне знать.

– Хорошо, спасибо, я очень польщена вашим предложением, – произнесла она, – только можно мне захватить с собой подругу?

– Конечно.

– В таком случае я дам вам знать завтра...

Марго, услышав о приглашении Лориса, сначала удивилась, потом заявила, что на всех этих научных демонстрациях можно умереть от тоски. И тем более – при скопище такого количества претенциозных ученых мужей, скукотища, одним словом. В этот момент, по всей видимости, она вспомнила о существовании Филиппа Берже. Замолчала, что-то обдумывая. Потом решила рассмотреть повнимательнее сам замок, окрестности, список приглашенных. Потратив несколько минут на изучение всех данных и пристальную проработку меню местного ресторана, сменила гнев на милость.

– Предмет заслуживает самого внимательного изучения, – заявила она, – хотя и придется общаться с этой «постной рожей», извини, дорогуша, с твоим увлечением. Но, впрочем, о вкусах не спорят. Сама должна признаться, что и мой выбор не всегда отличается точностью.

Ангелина только внутренне хмыкнула в ответ на это утверждение. Марго хотела быть великодушной и самокри-

тичной. Такие порывы подружки она могла только поощрять, тем более они были не таким уж частым явлением. Но с ответом решено было погодить, тем более она приходила в себя после только что полученной от сына эсэмэски. Текст ее был краток, и он извещал бабушку, что к ней едет... внучка. Выполнение прародительских обязанностей по отношению к Манон всегда приводило Ангелину в состояние легкого замешательства.

Нужно сказать, что сыном Анжи обзавелась рано. Со Слепцовым они познакомились в университете. Он учился на экономическом, она – на матфаке. Роман был скоротечным. Оба были молодыми и горячими, и через девять с небольшим хвостиком месяцев, 14 февраля, появился на свет сын. Откуда-то в советском прошлом они слышали про праздник влюбленных и притянутый к нему за уши день то ли съеденного львами, то ли замученного каким-то другим, не менее неприятным способом святого Валентина. Так и стал младенец Валентином. Ангелина была девушкой любознательной и добросовестно изучила проблему. Так она узнала и про то, что святых на самом деле было двое, и по странному стечению обстоятельств их замучили в день, в который в языческом Риме традиционно отмечали Луперкалии. И языческий праздник в честь бога плодородия, когда молодые жрицы Луперка хлестали всех встречаемых женщин ремнями, сделанными из кожи жертвенной козы, стал Днем святого Валентина. Правда, Ангелина не знала, русское сло-

во «лупить» происходило от названия этого весьма забавного праздника или нет. Вглубь копать она не стала, да и не до этого было.

Сначала они жили в общежитии. Сына приходилось купать в умывальнике, благо подружки помогали. Пока к сессиям готовилась, то одна, то другая сидели с чадом Слепцовых. Юрий, воспитанный по старинке, считал, что соски и пеленки – не мужское дело. Правда, тот же старинный способ воспитания внушил ему, что мужчина должен обеспечивать семью. Поэтому и обеспечивал, благо образование экономическое. Сначала по мелочи приторговывал, потом заинтересовался только зарождающимся рынком акций. Первый миллион заработал на бирже, но по глупости тратить не стал, а открыл собственный бизнес. Ангелина новые веяния тоже не упустила и с матфака плавно перетекла сначала на бухгалтерский учет, потом изучила работу с ценными бумагами. Стала спецом, каких поискать. Да и Слепцову одна выгода: он ей доверял на все сто. Супружеская пара успешно превратилась в бизнес-партнерство. Но любовь как-то незаметно улетучилась. То ли не выдержала этого самого бизнес-партнерства, то ли слишком много общались.

Так что любовная лодка Юрия и Ангелины Слепцовых разбилась не о быт, а о совместный бизнес. Даже названный в честь покровителя всех влюбленных сынуля не помог. Правда, общие интересы до поры до времени удерживали от развода.

Но, как это часто бывает, успех изрядно изменил Слепцова. Хотя, может быть, Ангелина просто в течение многих лет выдавала желаемое за действительное. Придумывала несуществующую любовь там, где, скорее всего, было оформление интимных отношений, вернее – их последствий. Просто говоря, поженились «по залету». Поэтому и Слепцов со временем уже не стеснялся заводить любовниц, одну моложе другой. Ангелина сначала не замечала или усиленно делала вид, что не замечает. Но с годами, когда красота ушла, а мудрость надежно устроилась на ее месте, она раз и навсегда поняла, что на их браке можно поставить жирный крест. Правда, совместный бизнес, успешно разрушивший остатки любви и взаимопонимания, продолжал держать семейный корабль Слепцовых на плаву. Такой вот парадокс.

Валечка последовал примеру родителей и уже в девятнадцать лет обзавелся избранницей, правда, на восемь лет старше. Ангелина пыталась протестовать. Но ее обвинили в препятствии любви и прочих грехах. Слепцову в этот момент было уже все до фени. И в один не очень прекрасный день на пороге их шикарной квартиры в самом лучшем районе Женевы появилась кругленькая швейцарка с вымученной улыбкой на заурядном личике. Звали ее Даниэла, и Ангелине она напомнила веселую хрюшку из Маппет-шоу. Муж сразу же прозвал ее Дусей, и это имя гораздо лучше подходило незатейливой девице, нежели Даниэла. Она расстраивалась, а Слепцов с присущим цинизмом заявил: «Нашему тюфяку

хоть кто-то дал!» Что ее сынуля нашел в этом существе, она так до конца и не поняла. Но уже через неделю Валентин потребовал устроить званый обед в честь своей возлюбленной. Ангелина спорить не стала, решила проявить традиционное российское гостеприимство. Она заказала рулетики из свинины и пару паштетов, которыми славился местный мясник, три вида разных салатов, пару блюд из сои – Валечка предупредил, что его возлюбленная не ест мяса, и шоколадный торт. Но Даниэла на присутствие мяса на столе отреагировала как на личное оскорбление.

– Даниэла – вегетарианка! – воскликнул сын. – Я же тебе говорил! Как ты могла, убирай все это к чертовой матери!

– Ну, пусть ест салаты и свою сою! – не дала себя обескуражить Ангелина.

– Она не может даже видеть мясо!!!

– Ну ее же никто не заставляет его есть!

– У Даниэлы очень чувствительная натура!

– Но мы же не можем есть морковные котлеты и капустную запеканку!

– Ради меня ты могла бы оставить свое упрямство и не портить мне жизнь! Могла бы отказаться от этих свиных рулетов и паштетов!

Слепцов наслаждался разыгрываемой на его глазах сценой, и на его лице медленно и верно расплзалась улыбка. Все, что доставляло неприятности Ангелине, становилось источником удовольствия для ее благоверного. Ангелина на-

ивно полагала, что ее мнение еще кого-то интересует, поэтому не задумываясь брякнула:

– Естественно, не может же твоя подружка-хрюшка есть себе подобных!

Ответом были оскорбленное молчание сына и довольное очередным ляпом жены лицо мужа. Но самым неприятным во всей этой истории было то, что ровно через месяц хрюшка из Маппет-шоу прочно обосновалась в жизни Валентина. А через шесть месяцев – рекорд, по швейцарским понятиям – сыграли свадьбу. Если это торжество с кислыми физиономиями родственников Даниэлы и презрительными улыбками слепцовских знакомых можно было назвать свадьбой.

Ангелина первый урок, преподанный невесткой, усвоила раз и навсегда. Она поняла, что приспособливаться предстоит ей, а не невестке. Поэтому мясо со стола исчезло. Правда, кузнечиков под соусом она ни готовить, ни есть не научилась, овладела только секретом приготовления морковных котлет и овощных запеканок. Впрочем, никто ее об этом особенно и не просил, потому что со временем исчезли и сами столы. То есть сын заскакивал на огонек, извинялся, глаза в пол, торопливо рассказывал новости и с облегченной улыбкой исчезал. История про ночную кукушку, которой быстро и эффективно удавалось перекуковать любую дневную, повторялась с завидным постоянством. В голову приходил и анекдот, что матери необходимо двадцать лет, чтобы сделать из сына человека, а его же девушке достаточно двадцать ми-

нут на превращение его в идиота. Хотя Ангелина с этим была не согласна. И с завидной самокритикой признавалась себе в том, что человека из сына сделать у нее не получилось.

Но несмотря на некоторые сожаления, ничего исправлять она не спешила. Во-первых, не знала как, а во-вторых, подозревала, что уже поздно. Поезд ушел давно и, похоже, навсегда. Правда, к своим финансовым обязательствам в отношении сына она относилась серьезно. Доставшуюся ей после развода квартиру в Женеве Ангелина не моргнув глазом передала сыну, дарила всем дорогие подарки на дни рождения и Рождество. Не забывала даже кислomorдую родню Даниэлы. Кроме того, Валентин прекрасно знал, что в случае проблем может рассчитывать на мать. К его чести, он зарабатывал сам и весьма неплохо. Даниэла тоже не сидела сложа руки, так что молодая семья ни в чем не нуждалась. Отношения были вежливыми, но холодными. Поэтому и к внучке привязаться Ангелина не смогла. Она ей напоминала Даниэлу, хотя все утверждали, что Манон копия Валентина, а значит, и ее, Ангелины. Внучка была блеклым существом, вежливо здоровалась, благодарила за подарки и испарялась при первой представившейся возможности. Поэтому заявление Валентина, что Манон собирается на несколько дней в Париж, застало Ангелину врасплох.

– Что я буду с ней делать? – с недоумением рассказала она о своих проблемах Марго.

Парижанка, детьми и более далеким потомством не обре-

мененная, тем не менее с видом знатока заявила:

– Как что? Парк Уолта Диснея, парк «Астерикс», Лувр с Версалем, рестораны и бутики. Потом пару других музеев, если захочет. Но это уж вдвоем решите, она же в Париже не в первый раз.

Ангелина, вспомнившая яростные выпады Даниэлы против потребительских интересов свекрови, осторожно заметила:

– Если она напоминает собственную мать, то бутики ее интересоваться не будут.

– Попомни мои слова, очень даже заинтересуют! Расслабься, – авторитетно заявила Марго.

– Но ты же ее не знаешь! – слегка возмущалась Ангелина.

– Она что, ненормальная? – не сдавалась парижанка.

– Нет вроде бы, – неуверенно отвечала ее подруга.

– Так вот: любую нормальную девочку, девушку, женщину интересуется, как она выглядит!

Правда, в кои-то веки Марго ошиблась, хотя и не во всем. Началось с того, что с первого момента представления программы парижского пребывания Манон расставила точки над «i». Во-первых, у нее не вызвали особого энтузиазма ни Уолт Дисней, ни «Астерикс».

– Может быть, Лувр, Музей естественной истории, Эйфелева башня или Версаль? – осторожно предложила Ангелина.

– Мы с папой уже почти все музеи обошли, ты же знаешь.

Он к моему воспитанию всегда серьезно относился, – с авторитетным видом заявила внучка. – От Версаля не откажусь, мне там всегда нравилось, но сначала – твой любимый ресторан, где подают лучшее в Париже филе.

– Я думала, ты вегетарианка! – округлила глаза от изумления Ангелина.

– Гораздо проще было бы поинтересоваться, чем делать выводы на пустом месте, – с видом бывшего философа заявила пигалица, – кстати, а после мы можем поехать в Галерею. Ты же мне говорила про бутики. Я всех в школе предупредила, что вернусь из Парижа неузнаваемой. Пусть умрут от зависти, особенно эта негодяйка Анник.

Ангелина посмотрела на часы и, не откладывая дела в долгий ящик, позвонила в ресторан и зарезервировала столик. Всю дорогу до ресторана Манон болтала без остановки. И про свое соперничество с первой классной модницей Анник, от которой намеревалась камнями на камне не оставить после своего приезда из Парижа, и про своих друзей, и про своих недругов, с кем из учителей у нее сложились хорошие отношения, какие предметы она больше всего любит и так далее. Ангелина с удивлением рассматривала свою внучку, которую, оказывается, раньше просто-напросто не знала. В ресторане они были через полчаса. Манон светила от удовольствия.

– То есть ты ешь мясо, – переспросила на всякий случай Ангелина, словно желая удостовериться, что не ослышалась.

– Бабушка, перестань разглядывать меня, словно ты меня ни разу не видела, – начала слегка раздражаться внучка, – да, я ем мясо, колбасы, паштеты и все остальное, не брезгую рыбой, креветками и очень люблю омлет с белыми грибами, который как раз и значится в меню этого ресторана. Именно его я возьму на первое, а на второе – филе. И вообще, если хочешь доставить мне удовольствие, лучше отведи меня в «Crazy Horse»².

– «Crazy Horse»! – выкатила глаза Ангелина.

– Вот именно, я недавно только про них передачу видела, но по телевизору одно, а в жизни другое, – мечтательно произнесла Манон, – мне папа рассказывал.

Ангелина слегка охнула – Валентин оказался любителем «Crazy Horse»! Похоже, день сюрпризов для нее только начинался.

– Бабушка, что с тобой? Приди в себя! Почему ты удивляешься, я же не прошу тебя отвести меня в клуб мужского стриптиза?!

– Я не уверена, что нас пропустят, в это заведение пускают только совершеннолетних, – наконец взяла себя в руки Ангелина.

– Ну, ладно, мы можем вполне оставить «Crazy Horse» на следующий раз, – заявила благоразумная внучка, – тогда остаются бутики, а музеи и без нас обойдутся.

– Как скажешь, – согласилась Ангелина, Марго оказалась

² Известное парижское кабаре.

права. Ее внучка была вполне нормальной девочкой двенадцати лет, которой было совершенно не все равно, как она выглядит.

– Люблю этот ресторан! – отодвинула от себя пустую тарелку Манон. – Мы с папой, когда в последний раз приезжали, именно сюда и приходили. Кстати, это папа мне сказал, что это твой любимый ресторан.

– Вы с папой? – тупо повторила Ангелина. – Но в меню нет ни одного вегетарианского блюда?!

– Папа – не вегетарианец, а жертва домашнего гнета, – с авторитетным видом произнесла пигалица и с жалостью взглянула на свою недалекую бабушку.

– А Даниэла не в курсе?

– Папе жить не надоело, – вздохнула внучка, – мы втихую отрываемся.

– Но мне кажется, вы вполне могли бы поговорить с Даниэлой начистоту.

– В смысле, так и заявить, что, мол, любим мясо? А она опять завоюет про детенышей и козочек с овечками! Кстати, у нее на всех животных аллергия, и фермы она видела исключительно по телевизору.

– Но должен же быть хоть какой-то выход?

– Выхода, бабушка, не было, нет и не будет! Слушай, давай не будем больше про маму. У нее крыша съехала давно и надежно.

– Как ты можешь говорить так о собственной матери? – не

слишком уверенно проговорила Ангелина. Хотя внутренне подобному заявлению могла только поаплодировать.

– Ну что ты притворяешься? – проницательно заявил невозможный ребенок. – Тебе это прекрасно известно. Мне папа рассказывал про ваше первое знакомство. И я это говорю совершенно объективно. Ты можешь сказать, что я не люблю собственную мать?

Ангелина дипломатично промолчала.

– Не беспокойся, она в курсе, и это вполне взаимно.

– Что – взаимно?! – приподняла брови Анжи. Сюрпризы, похоже, на сегодня еще не кончились.

– Как что? Я не люблю ее, и она не любит меня. Нет, я вовсе не хочу сказать, что моя мать – бесчувственная. Просто ее больше интересует судьба голодающих детей в Африке или Бангладеш. А так как я не голодаю и в Африке не живу, то соответственно никакого сочувствия не достойна. И не смотри на меня так жалостливо, жизнь так устроена, и я уже привыкла к этому с возраста, так скажем, – задумалась юный философ, – лет трех-четырёх. Хорошо, что есть папа, но ему все труднее и труднее. Он человек мягкий, и она его совсем уже в бараний рог скрутила.

Ангелина промолчала. Тем временем принесли второе. Мясо, как всегда, было великолепным и просто таяло в рту. Манон с аппетитом принялась за свое филе. И Ангелина впервые в жизни поверила утверждениям окружающих, что внучка Манон – полная копия Валентина и в какой-то степе-

ни ее копии. Конец дня прошел в редком взаимопонимании.

– Бабушка, мне очень понравилось, как мы провели время! – с чувством произнесла Манон в аэропорту на следующий день.

– Приезжай, когда хочешь!

– Когда хочешь – не получится. Не могу оставлять папу одного. Я у него – свет в окошке. Правда, у нас появилась надежда: маму приглашают работать в Нью-Йорк, в какой-то департамент ООН.

– И вы отправитесь в Нью-Йорк?! – с замиранием сердца спросила Ангелина, которой неожиданно стало очень важно, чтобы сын и внучка оставались рядом.

– Ты ничего не понимаешь, бабушка, иначе я бы тебе не говорила про надежду! – как взрослая, вздохнула Манон. – Это мама отправится в Нью-Йорк, а папа не может оставить свою работу, а я соответственно останусь с папой в Женеве. Она все равно мной никогда не занималась, и в Нью-Йорке у нее тем более не будет времени...

Остаток вечера Ангелина провела в совершенно великолепном настроении. Она даже позвонила Валентину сама.

– Манон вернулась довольная и уже спит, – с чувством произнес сын, – спасибо, мама. Она сказала, что вы провели замечательный день. Я надеюсь, она тебя не очень утомила?

– Да что ты! Мы провели совершенно великолепный день, и я была бы рада, если бы она или вы вместе выбирались почаще в Париж.

– Мы постараемся, – пообещал сын.

Ангелина заснула этой ночью совершенно счастливым и крепким сном. Утром ее разбудил телефонный звонок. Она хотела было не отвечать, в конце концов, все ее знакомые были в курсе, что ее нельзя беспокоить по утрам. Но неведомый корреспондент не унимался. За звонком на домашний телефон последовали звонки на мобильный, потом снова на домашний. Вздохнув, Ангелина поняла, что не отвертеться, придется ответить.

– Мадам Слепцова?

– Да, – со всей холодностью, на которую была способна, ответила она.

– Извините за беспокойство, лейтенант Син, национальная полиция. Нам необходимо встретиться, мы хотели бы вас попросить явиться в комиссариат пятого округа.

– Что-то случилось?

– Да.

– Что именно?

– Я предпочитаю не говорить об этом по телефону.

– Мне необходимо явиться в сопровождении моего адвоката?

– Не думаю, что в данном случае понадобится адвокат. Мы просто нуждаемся в вашей помощи, чтобы пролить свет на последние часы мадам Бренон.

– Мадам Бренон... – задумалась Ангелина.

– Мадам Женевьева Бренон, вы должны были ее знать.

Ангелина вспомнила, что именно так звали странную рыжеволосую женщину, которая так хотела встретиться с ней.

– Последние часы, говорите. Она что, умерла?

– Мадам Бренон была найдена в подземном гараже резиденции с признаками насильственной смерти. Анализ ее мобильного показал, что непосредственно перед смертью она попыталась связаться именно с вами...

Глава 3. Право на ошибку

Уже через час после полученного звонка Ангелина сидела перед лейтенантом Сином, который оказался невысокого роста мужчиной сорока лет с явно выраженными азиатскими чертами лица. Он коротко объяснил Ангелине, какая помощь требуется от нее. Женевьева Бренон действительно пыталась с ней связаться. Но было уже поздно, и Ангелина на тот момент находилась в душе. Она дала ему прослушать полученное сообщение. Оно было кратким: «Мадам Слепцова, нам срочно необходимо встретиться. Дело не терпит отлагательств! Умоляю, позвоните мне сразу, как только получите это сообщение!»

– Вы перезвонили?

– Нет, звонок я не слышала и на мобильник, честно говоря, не обратила никакого внимания. И обычно близкие, если не могут дозвониться по мобильнику, звонят мне на домашний.

– Понятно, а у Женевьевы Бренон вашего домашнего номера не было?

Ангелина покачала головой и спросила, в свою очередь:

– Это неудачное ограбление?

– Нет, ничего не пропало.

– Тогда что произошло?

– Трудно сказать, мы только в самом начале следствия, –

улыбнулся Син, всем своим видом давая понять, что вообще-то прерогатива задавать вопросы принадлежит ему, а не ей.

Но Ангелина не обратила на это внимания.

– Я могу увидеть снимки? – сама не зная почему, попросила она.

Лейтенант после недолгого колебания слегка повернул в ее сторону экран компьютера:

– Смотрите.

На цементном полу подземной парковки экзотической птицей раскинулась женская фигура: кричащей расцветки балахон, ярко-рыжие волосы, огненными полосами прорезающие окружающую серость. Женестьева Бренон и в смертный час осталась верна самой себе.

– Как она погибла?

– Несколько выстрелов из автоматического пистолета. Хотя, по всей видимости, работали непрофессионалы. И баллистическая экспертиза пока ничего особенного не дала. Хотя убийца не дурак, правильно рассчитал угол атаки, используя мертвое пространство, недоступное камерам наблюдения парковки.

– Но он должен был каким-то образом проникнуть в гараж?

– Мы на данный момент располагаем только размытым изображением человеческой фигуры. Причем невозможно определить, мужчина это или женщина.

Он показал ей видеоролик. Действительно, быстро передвигавшаяся фигура могла принадлежать кому угодно.

– И от меня вы ожидаете что-то конкретное? – спросила она.

– Почему Женестьева Бренон хотела с вами встретиться?

– Для меня это такая же загадка, как и для вас. Единственное, речь, я полагаю, должна была пойти о центре исследования нейродегенеративных заболеваний, спонсором которого я являюсь.

– Почему?

Ангелина замаялась, а потом решила, что скрывать от полиции суть их разговора не имеет смысла, и вкратце рассказала о странной встрече.

– То есть мадам Бренон была уверена, что центр занимается запрещенными исследованиями?

– Да, – коротко кивнула головой Ангелина.

– Мы просмотрели все ее документы, но ничего, связанного с центром, не нашли.

– Она могла все это спрятать?

– Могла, если догадывалась, что находится в опасности, – в раздумье произнес Син.

– Я убеждена, что она боялась.

– Откуда такая уверенность? – удивился лейтенант.

– Ощущение, а они меня никогда не обманывают. Во всяком случае, эта женщина была уверена, что за ней наблюдают. Поэтому и попросила о встрече вне центра.

– Хорошо, предположим, что вы правы и документы она спрятала. Пока мы отдали ее домашний компьютер и найденный в автомобиле ноутбук нашим инженерам.

– Чтобы они восстановили уничтоженные файлы?

– Вы разбираетесь в информатике?

– Как обычный пользователь, не больше, не меньше. Просто запомнила раз и навсегда, что на жестком диске ничто не пропадает без следа.

– Насколько я понял, вы приглашены в замок Литцель?

– Куда? – не поняла она.

– В замок Литцель рядом с Кольмаром, вы же мне только что сказали, что вас пригласили на презентацию, – пояснил он.

– Я не обратила внимания на название замка и пока еще не приняла окончательного решения, – призналась она, – почему вы об этом спрашиваете?

– Просто, если вы это решение все-таки примете, прошу вас быть поосторожнее и... – лейтенант Син слегка замялся.

– И? – приподняла вопросительно брови Ангелина, начиная догадываться, куда клонит полицейский.

– Так, скажем, если что-то покажется вам интересным, я был бы вам благодарен, если бы вы держали меня в курсе. Я дам вам номер моего мобильного.

– Хорошо, – кивнула головой она и взяла номер, полностью уверенная, что им уж точно не воспользуется.

Они проговорили еще минут десять. Потом, заручившись

обещанием Ангелины позвонить ему в случае, если она вспомнит какие-то новые факты, лейтенант вежливо проводил ее до двери. Из комиссариата Ангелина выходила в задумчивости. Что же такое опасное могла знать эта странная женщина? В любом случае, эта информация стоила ей жизни. В чем, в чем, а в этом Ангелина Слепцова была уверена.

На углу двух улиц она остановилась, словно размышляя, в какую сторону двинуться. Мобильник завибрировал: пришло сообщение от Лориса. Надо было давать ответ на приглашение. Перед глазами вновь встала распластавшаяся на цементном полу экзотическая фигура. Смерть Женевьевы Бренон – связана она с центром Лориса или нет? И разумно ли отправляться им туда? Хотя она тут же одернула себя. Что им могло грозить в трехстах километрах от Парижа, в густонаселенной местности? Да и теперь ей стало по-настоящему любопытно, что же такое запрещенное происходит в этом замке. «Замке Синей Бороды», – добавила она про себя и усмехнулась – во всяком случае, это название ей нравилось больше заурядного Литцель. В любом случае ни она, ни Марго невинными девицами не были. А посмотреть стоило. Была, правда, другая загвоздка. По твердому убеждению Ангелины, бесплатным бывал только сыр в мышеловке. Поэтому если Лорис и пригласил их на эту встречу, то не из-за ее прекрасных глаз. Но на этот раз она твердо решила, что ему не удастся вытрясти из нее ни сантима.

Вечером Ангелина заехала к Марго. Они договорились

вместе посмотреть очередную театральную премьеру. Завязная театралка Марго не пропускала почти ни одной, на ее взгляд, стоящей постановки. Гораздо меньше любившая театр Ангелина иногда тоже соглашалась на вылазки. Так было и на этот раз.

– Я соглашусь с одним условием, – заявила в антракте Марго, когда речь вновь зашла о посещении презентации в замке Литцель.

– И что это за условие?

– Возьмем с собой Кати.

– Это ты решила после того, как узнала об убийстве Жевьевы Бренон? – прямо спросила Ангелина.

– Возможно – да, а возможно – нет. Просто подумала, что втроем интереснее, чем вдвоем, а потом Кати пора выбираться из своего поместья на белый свет, а то совсем одичает.

– И ты уверена, что ничего лучшего для выхода в свет она не найдет?

– Конечно, не найдет, – с непоколебимой уверенностью заявила ее собеседница.

С подругой Марго, Екатериной Кузнецовой, другой российской француженкой, Ангелина уже встречалась. Правда, встреча была короткой. Екатерина Дмитриевна, которую чаще всего друзья и близкие называли Екатериной Великой, с дочерью Касей приехала тогда из Ниццы в Париж на встречу с нотариусом своего покойного друга, Фредерика де Далмаса. Ангелина прекрасно помнила совершенно обалдевшее

выражение лица мадам Кузнецовой. Дело было в том, что на женщину свалилось совершенно неожиданное и весьма оригинальное наследство. Нельзя сказать, чтобы ее очень поразили квартира в Орлеане и значительная сумма денег. Это было скорее приятным сюрпризом. Зато вторая и основная часть наследства изрядно напрягала. Фредерик де Далмас оставил ей замок на границе Лота и Оверни. Замок являлся, конечно, памятником культуры и, по преданиям, был одним из командорств сметенных потоком времени тамплиеров, но в первую очередь это было нуждающееся в значительной реставрации здание на семи ветрах. Именно так об этом тогда повествовала изрядно растерянная Кати. Ангелина ее прекрасно понимала. К семейству де Далмасов Екатерина никакого отношения не имела, следовательно, никаких обязательств перед памятью предков у нее тоже не было. И если не брать в расчет историческую ценность, замок был полуразрушенным средневековым монстром с активно гуляющими сквозняками и появляющимися то там, то сям привидениями. И теперь это чудовищное сооружение реально угрожало вполне налаженному и благополучному существованию мадам Кузнецовой.

Действительно, с какой стороны ни посмотри – в Ницце Кати жилось не тужилось. Качество жизни, климат, квартира в престижной части старого города, море в двухстах метрах, друзей – куча, поклонников – штабеля. И теперь Екатерине предстояло решить: восстанавливать доставшийся в наслед-

ство от Фредерика замок или нет. Ангелина помнила их разговоры, и каково же было ее удивление, когда уже через месяц она услышала от Марго, что ее сумасшедшая русская подруга полностью забыла все свои рационалистические выкладки, отправила ко всем чертям вполне разумные, слегка эгоистичные жизненные принципы, твердо и бесповоротно решив продолжить восстановление благополучно лежавшего в руинах родового замка де Далмасов. Короче говоря, Екатерину Великую, как и ее историческую тезку, потянуло на героические свершения. Конечно, в жизни всегда есть место подвигу. Но никто из окружающих не был готов к подобному повороту. С тех пор прошло больше полутора лет, и, судя по всему, Кати весьма преуспела в своих начинаниях. Теперь же Марго решила, что ее подруге просто необходимо взять отпуск.

– Приглашай, если ты уверена, что она согласится, – пожала плечами Ангелина. Ей эта идея даже понравилась. В конце концов, если общество ученых окажется не очень приятным, их будет трое, и они смогут развлечься самостоятельно.

Марго тут же набрала телефонный номер. На звонок ответила дочь Екатерины Великой Кася:

– Марго, рада тебя слышать! Собираешься вытащить маму развеяться? Отличная идея! Что-то вроде научного симпозиума? С каких это пор тебя стала интересовать наука? А, в замке Синей Бороды? Тогда игра стоит свеч! – рассмеялась она и, выслушав ответ Марго, добавила: – Ты права, действи-

тельно интересно, уговори маму, я тебе помогу. Кстати, вот и она, передаю ей трубку. Целую.

Екатерина выслушала предложение Марго молча, не перебивая. С Ангелиной она уже была знакома, и женщины с первого момента нашли общий язык. Помогала не только общая родина, но и сходные взгляды на жизнь и на окружающих. Поэтому идея провести неделю в обществе Ангелины и Марго Екатерине Дмитриевне понравилась. Только цель и место поездки немного напрягали: оказаться на презентации неизвестно чего в окружении незнакомых людей и плюс ко всему – в роли напрасившегося на огонек участника. Поэтому, когда Ангелина взяла трубку и продолжила уговоры, прямо спросила:

– Ты уверена, что это удобно, мало того что Марго с тобой едет, еще и меня в придачу с собой собираетесь захватить?

– Слушай, я пожертвовала этому фонду больше трехсот тысяч евро. За эти деньги они вполне могут потерпеть меня и моих подружек каких-то четыре дня.

– Зачем вам все это сдалось? – продолжала недоумевать Екатерина Великая.

– Смена впечатлений, да и потом интересно, – включилась в телефонный разговор Марго, – такое собрание чудиков не каждый день увидишь.

– Пахнет приключениями? – усмехнулась Кати, прекрасно знавшая характер своей лучшей подруги.

– И да, и нет, – уклончиво ответила та, – и там действи-

тельно приличное количество весьма и весьма занимательных субъектов.

Пообещав подумать, Екатерина Великая повесила трубку. Она сомневалась. Но почему и в чем был подвох, найти ей не удавалось. Слова о замке Синея Бороды всерьез она не восприняла, даже если знала авантюрную жилку Марго. С одной стороны, отдых она заслужила – больше года без передышки с утра до ночи только и знала, что занималась реставрацией замка. Неожданное наследство оказалось более чем хлопотным. Екатерина не жаловалась, все было слишком захватывающим и интересным. Но теперь она явно чувствовала, что ей просто жизненно необходимо сменить обстановку.

* * *

*Год 999 после Рождества Христова.
Священная Римская империя, Констанц*

«Небесные силы – нетленны и бессмертны, значит, и душа человеческая, сотворенная по образу и подобию сил небесных, – нетленна и бессмертна. Но ум человеческий, какова его природа?» Бертольд отложил в сторону стило и задумался. Они столько говорили об этом с Гербертом! Так по привычке старого знакомого называл он про себя недав-

но избранного папу Сильвестра II. Но для Бертольда он так и остался Гербертом д'Орийяком. Познакомились они давным-давно, в Каносском замке, в котором когда-то нашла убежище будущая покровительница нового папы Адельгейда Бургундская. Но тогда она была вдовой короля Лотаря, и до ее свадьбы с императором Оттоном I оставался один год. Ни Бертольд, сын главного оружейника замка, ни странствующий монах Герберт не представляли себе, что капризная судьба свела их с одной из самых влиятельных в будущем женщин Европы. Адельгейда не только стала править вместе с мужем-императором, но сохранила свое место императрицы-матери и при сыне Оттоне II, и при внуке – Оттоне III.

Герберт тогда заметил любознательного и смышленного подростка, самостоятельно выучившего грамоту и уже подбиравшегося к латыни. Оружейник, отчаявшийся приучить мечтательного подростка к своему ремеслу, махнул на него рукой. Бертольд был предоставлен самому себе и целые дни проводил с писцами замка. Поэтому, когда Герберт предложил ему следовать за собой, согласился без колебаний. Без всяких сожалений он покинул уютный и надежный отцовский дом, прекрасно зная, что идет навстречу неизвестности. Так оно и случилось. Им предстояли годы скитаний, но ничто не пугало подростка. Незнание манило, и неутолимая жажда знаний была сильнее благоразумия. Вскорости не только латынь, но и более трудные арифметика, логика и метафизика покорились молодому человеку. Как только уче-

ник одолел знание явное, учитель решил, что пришел черед знания тайного. Сначала была доступная только избранным алхимия, секрет превращения и взаимодействия веществ. Но самое главное ожидало его впереди...

Бертольд покачал головой и продолжил писать. У него появилось неприятное ощущение быстротечности времени. Самое странное, что он никоим образом не мог объяснить, почему. Он укорил себя за гордыню: разменял седьмой десяток, а о смерти все не думает! И тут же в голове пронеслось трусливое: неужели подошел к заветной черте? Он отогнал от себя эти мысли. Не пристало ему, посвятившему всю свою жизнь вечному, задумываться о тленной своей природе. Его волновало другое: передать, оставить найденное на земле. Поэтому следовало торопиться. Он и сам не надеялся, что труд всей его жизни приведет к таким удивительным результатам! Вспомнил расширенные от удивления глаза всегда такого холодного и владеющего собой посланника папы Сильвестра, Флавио Виттори. Лучшей похвалы и не придумаешь! Флавио вернулся в Рим, и Сильвестр тут же отправил срочную и секретную депешу. Приказ был коротким: до его приезда больше никого в курс не ставить. Излишняя предосторожность! Никого ставить в известность Бертольд не собирался и не соберется. Да и кто поймет настоящую ценность открытия? Хотя он тут же одернул себя. Его заслуга заключалась только в расшифровке и правильном применении рецепта, известного древним. Внезапно холодок пробежал по

спине. Он почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернулся – легкая материя слетела, и глаза, без бровей, без ресниц, смотрели прямо, бесстрастно, изучающе. Как ни избегал он этих мыслей, но каждый раз ему было не по себе. Словно этот нечеловеческий взгляд видел в нем нечто, самому ему неведомое, проникал вглубь, просвечивал насквозь и выносил безжалостный приговор.

«Это всего лишь мое произведение, бездушный оракул, инструмент моей славы!» – уговаривал он себя. Но ничего не помогало. С самой первой встречи этот взгляд поразил его. Тогда он еще был живым, настоящим. И принадлежал он мальчику-калеке, никому не нужному сыну городской проститутки Тильды. Мать, вечно пьяная и веселая толстушка, пыталась избавиться от ребенка. Но плод оказался сильной породы, выжил вопреки всему. Правда, без последствий не обошлось, и мальчик родился убогим. Тильда ребенком не занималась, но крохотный калека упорно цеплялся за жизнь и неизвестно каким способом дотянул до пяти лет. Если бы не суровая зима 998 года, то протянул бы и дальше. Бертольд нашел замерзшего малыша на пороге собственного дома.

Тогда он уже полностью потерял надежду. Ни один из опытов не привел ни к каким результатам. Текст на папирусе был всего лишь выдумкой, красочной, манящей, удивительной, но выдумкой. Все оказалось такой же сказкой, которые рассказывались долгими зимними вечерами у огромного очага в замке, когда хозяева, воины и прислуга соби-

рались все вместе послушать проезжего барда. Последний опыт окончился полным поражением. Младенцы не выжили. Маленькие головки оставались безжизненными, и никакой эликсир вечности не спасал. В чем же он ошибался? Столько лет потратил на изучение человеческого тела, как свои пять пальцев знал все, о чем даже думать было запрещено. Но ошибку, роковую, проклятую ошибку, никак не мог найти. Без всякой надежды он затащил замерзшего малыша в находящееся под домом подземелье. Когда-то именно из-за этого огромного погреба и выбрал он это жилище. Прежний владелец, торговец винами, держал здесь свой товар. До сих пор стены были пропитаны терпким, острым запахом винного уксуса. Автоматически и нисколько не веря в успех, проводил он магические действия над отделенной от маленького изуродованного тельца головой. И сам не поверил, когда после второго заклинания безресничные веки поднялись и слегка изумленный взгляд уставился на него. Потом гримаса ужаса исказила черты, словно его что-то напугало. За этим последовало явно написанное страдание, рот приоткрылся, и робкий, жалобный стон прорвался наружу. Потрясенный Бертольд задрожал, накинул на голову попавшуюся под руку материю и молнией поднялся вверх под лестнице. Закрыв обитую железом дверь на засов, но успокоиться не мог. Никогда в жизни ему не было так страшно. День он провел в метаниях и молитвах. Только под вечер решился спуститься в подвал. Зажег масляный светильник, трясущимися руками

откинул материю. Глаза медленно открылись, только теперь они смотрели отрешенно, равнодушно и... нет, ему это только показалось. Даже самому себе Бертольд боялся признать-ся, но в них он прочитал презрение и какую-то странную, нечеловеческую издевку.

Глава 4. Милые люди

Екатерина Дмитриевна сидела перед камином и молча наблюдала за языками пламени. Она недоумевала, почему такая простая проблема ставит ее в тупик. Похоже, Марго была права, она одичала. «А может быть, возраст?» – задала она сама себе вопрос. Ей было хорошо здесь и никуда выезжать не хотелось. Неужели она стала домоседкой? Кася вернулась с прогулки и поинтересовалась:

– Ну, что решила?

– Пока ничего.

– Да съезди! Ты же в последнее время дальше Каора никуда не выбиралась.

– Что-то вроде на людей посмотри и себя покажи?

– А что в этом плохого?

– Еще вслед за Марго скажи, что я полностью одичала! – с некоторой обидой добавила Екатерина Дмитриевна.

– Даже Марго иногда бывает права, – с усмешкой заявила Кася.

Мать не ответила. С момента приезда в этот замок она с удивлением замечала произошедшие с ней изменения. Еще в российском прошлом, для нее, коренной москвички, глухая провинция начиналась километрах в пятидесяти от Москвы. Во французском настоящем и того хлеще: пятьдесят километров превратились в пять вокруг острова Сент-Луи в

Париже и пятьсот метров от набережной в Ницце. Теперь жизнь в городе ей казалась невыносимой. Обычно человека тянет на простор в молодости, в ее случае это произошло в зрелом возрасте. Хотя нет, на простор ее тянуло и в молодости. Просто после одного туристического похода по Уралу на свет появилась Кася, а у нее самой развилась аллергия на дикую природу. А что стало причиной этой аллергии? Это была долгая история. И Екатерина Дмитриевна не любила ее вспоминать.

– Почему ты никогда не пыталась найти моего отца? – задала как-то вопрос Кася, которой на двадцать пятом году жизни удалось все-таки вытянуть у матери историю собственного появления на свет.

– И каким это образом я могла его найти?

– Но ты же что-то о нем знала?

– Конечно, его звали Виктор, и он был студентом из Екатеринбурга, бывшего тогда Свердловском.

– А фамилия?

– Точно не помню, то ли Иванов, то ли Сидоров.

– Мы можем хоть раз поговорить серьезно?! – возмутилась дочь.

– Представь себе, что я абсолютно серьезна. Просто, когда представлялись, он что-то прокаламбурил насчет традиционности своей фамилии, и я так и не поняла, он Иванов или Сидоров, – пожала плечами Екатерина Великая.

– И все? – разочарованно произнесла дочь.

– Ну что ты хочешь? – задала резонный вопрос мать. – Нам было по девятнадцать лет, только-только оперились. А тут – свобода, песни у костра, романтика, жизнь в палатках на берегу реки. Нам было совершенно не до паспортов и не до последствий нашего романа. Все было абсолютно чудесно, мы жили настоящим, будущего не существовало, его просто не могло быть!

– Вы не обменялись адресами?

– Я не захотела, он, правда, пытался настаивать и говорил, что приедет осенью в Москву. Мы были по-настоящему, по-хорошему влюблены друг в друга. Я знаю, что не ошибаюсь. Так можно любить только в молодости, когда ничто не существует, только звездное небо и мы. Когда только от прикосновения хочется то ли кричать от радости, то ли выть от боли, когда ради одного момента с ним ты готова умереть, когда голова кружится и земля уходит из-под ног...

Екатерина Великая замолчала. Кася вспоминала фотографии юной Катеньки: рыжеволосой, зеленоглазой, смеющейся, беззаботной. Даже сейчас ее мать была удивительно красива какой-то особой, колдовской, чарующей красотой. Тогда что говорить о молодых годах! Виктор не мог быть не влюблен в такое чудо. Эх, отец, был бы ты повзрослее, настоял бы на обмене адресами, не слушал бы взбалмошную девчонку!

– И мы договорились о дне нашей встречи в Москве. Мне так казалось романтичнее... Он же настаивал, что это глу-

пость, что нужно быть прагматичнее и обмениваться телефонами или хотя бы адресами, что всякое может случиться. Он вообще много говорил о роли случая в жизни человека, — задумчиво произнесла мать.

— Но ты не захотела.

— Нет, сейчас я думаю: наверное, на меня повлияли все его рассуждения о роковых совпадениях. И я решила оставить все на волю случая.

— Захотелось испытать судьбу, — с легкой меланхолией констатировала Кася.

— Скорее всего, я всегда была немного... — Екатерина Дмитриевна задумалась, подбирая слова, — шальной, что ли.

— И, приехав домой, ты обнаружила... — запнулась Кася.

— Что беременна, — улыбнулась мать, — хотя обнаружила я это не сразу. Опыта у меня никакого не было. Виктор был первым. За месячными я особенно не следила. Тем более началась учеба, новые друзья, суета, родители тогда только получили новую квартиру, единственную, которую ты знаешь. Все были в восторге! У меня впервые появилась собственная комната.

— А ваша встреча? Она состоялась?

— Это было воскресенье, 1 ноября, перед осенними каникулами. Я должна была ждать его на Казанском вокзале в десять часов утра.

— В шесть часов вечера после войны, — грустно улыбнулась Кася, вспомнив старый фильм.

– Почти... Кстати, когда мы договаривались о встрече, я почему-то тоже подумала об этом фильме. Знаешь, я его очень любила в детстве. И мне казалось абсолютно нормальным, что герои встретились вот так просто: в шесть часов вечера после войны.

– И вы встретились?

– Нет, мы не встретились.

– Он не приехал? – почему-то с замирающим сердцем спросила Кася.

– В субботу вечером, 31 октября у нас были гости, а после их ухода, ночью, у меня началась сильная рвота. Все решили, что я отравилась, вызвали «Скорую». Ближе к утру меня отвезли в больницу и положили в изолятор. Сначала не могли понять, что происходит. Мне никогда в жизни не было так плохо. Дежурный врач, молодой парень, даже подозревал, что у меня какое-то острое инфекционное заболевание. А после полудня 1 ноября заступила на смену опытная пожилая врач и, посмотрев на меня, тут же распорядилась переложить меня в нормальную палату и сделать тест на беременность.

– А Виктор?

– Не знаю, – развела руками мать, – мне тогда было не до Виктора. Такое ощущение, что небо на тебя падает. Хорошо, хоть родители не пали духом и поддерживали меня, как могли. От них я не слышала ни одного слова упрека.

Обе молчали.

– На курсе все на меня смотрели, как на падшую женщину. Комсорг, Володька Зворыкин, который весь первый курс бегал за мной, предлагал даже созвать собрание и исключить меня из комсомола за аморальное поведение, недостойное молодого строителя коммунизма. Я же в университете держалась, гордо выпячивала живот и прохаживалась как ни в чем не бывало. Но дома плакала в подушку и один раз так разрыдалась при всех, что родители тут же привели в действие все свои связи и на следующий же день перевели меня на соседний факультет иностранных языков, на заочное отделение. Так до твоего рождения ни о какой учебе я не думала. Вела растительный образ жизни: ела, спала, гуляла, читала и ждала.

– Виктора?

– Наверное, мне казалось, что он должен меня найти.

– В шесть часов вечера после войны?

– Что-то вроде этого... И назвала тебя именем так любимого им случая – Кассия от французского «cas» – случай, обстоятельство, происшествие.

– Но почему ты не попыталась его найти после моего рождения?

– Студента-математика Виктора Иванова или Сидорова в миллионном Свердловске? – с невинным видом задала вопрос Екатерина Великая. – То же самое, что написать письмо «на деревню дедушке»... А потом, ну нашла бы я его, и что дальше?

Кася не ответила. Действительно, что было бы дальше, она не знала. И в конце концов получилось так, как получилось. На месте матери она бы поступила точно так же.

* * *

Ангелина остановила взятый напрокат «Ленд Ровер» около литой чугунной решетки. Никто навстречу им не вышел, только камера на входе медленно повернулась в их сторону. Похоже, их внимательно изучили, и только после этого раздалось легкое жужжание, и ворота с легким скрипом медленно отворились.

– Система безопасности, как в армейских учреждениях, – прокомментировала Марго, – интересно, что они тут прячут?

– Вернее, над чем работают, – поправила ее Екатерина Дмитриевна. Она чувствовала себя уставшей. Все-таки с раннего утра находилась в дороге: сначала поезд из Каора в Париж. Потом четыре часа езды до этого замка.

– Поживем – увидим, – прокомментировала Ангелина.

Парк в английском стиле был ухоженным. По левую сторону располагался даже небольшой водоем с искусственным водопадом. Женщины с интересом рассматривали открывшуюся перед ними панораму замка Литцель. От средневекового оборонительного сооружения сохранились только пара круглых башен и обвитые виноградником остатки крепост-

ной стены. Основной корпус был перестроен в стиле рококо с изящной скульптурной отделкой огромных окон и украшавших вход мраморных колонн. И эта показная легкость, как ни странно, создавала впечатление маскарада, чего-то натужного и нереального. Словно здание пыталось казаться вовсе не тем, чем было на самом деле.

Их встречали. На лице Флориана Лориса сверкала тридцатидвухимплантовая улыбка. Правда, это приветливое выражение слегка скисло, когда его взгляд остановился на Марго. Зато Берже искренне радовался их приезду. И от более расслабленной обстановки он даже выигрывал. Без темного костюма, в легком синем джемпере, удачно подчеркивающим его сухую, спортивную фигуру, и в светло-серых брюках он выглядел удивительно элегантно. Даже прическа изменилась, волнистые волосы стали слегка длиннее, казавшиеся почти черными глаза оказались на самом деле ореховыми, и естественная бледность подчеркивала красивую линию носа и подбородка. В общем, надежда европейской науки выглядел настоящим денди и прямо напрашивался на роль голливудского актера-любовника. Марго тут же решила про себя, что их приезд в замок был не такой уж плохой идеей, и даже к «постной роже» руководителя приглашающей стороны стала относиться более терпимо. Правда, в этот момент ее взгляд остановился на третьем участнике встречающей делегации. На его лице было выражение, по сравнению с которым лозунг «Янки гоу хоум!» был проявлением легкого недоволь-

ства. Нисколько не скрывая собственной враждебности, он рассматривал выходящих из машины дам, как вторгшихся в чужое владение самозванок.

– Очень рад вашему приезду, надеюсь, дорога не доставила вам особых хлопот? – На этот раз Лорису удалось изобразить на лице искреннюю заботу.

– Нет, если не считать вечных пробок при выезде из Парижа, – улыбнулась, в свою очередь, Ангелина, – я тоже рада вас видеть.

– Привет, Флориан, здесь чудесно, вы удивительно удачно выбрали место для ваших исследований. Больше подходит для пятизвездочного отеля, – благосклонным тоном проворковала Марго, решившая быть поласковее с руководителем Филиппа и не обращать внимания на третьего встречающего.

– Екатерина Кузнецова, – тем временем представилась Екатерина Дмитриевна и пожала протянутую ей руку.

Вслед за Лорисом дам поприветствовал Филипп, задержавший руку Марго на несколько секунд дольше положенного. И, наконец, к ним подошел третий участник, высокий, сухой, словно бесцветный мужчина с презрительно поджатыми губами. Приезд трех женщин явно не доставлял ему никакого удовольствия, и он без всякого колебания демонстрировал собственное презрение.

– Позвольте вам представить доктора Кристиана Херманса, – с некоторым напряжением произнес Лорис, – доктор –

один из самых блестящих специалистов в области нейрохирургии. Нам доставило огромную радость его согласие принять участие в нашем исследовательском проекте.

Доктор отрывисто поздоровался. Он говорил с явным немецким акцентом. В этот момент появился новый мужчина. Флориан почувствовал его присутствие и обернулся.

– А вот и Роланд де Сурдеваль, интендант и главный распорядитель нашего замка, – улыбнулся он, – он покажет вам ваши комнаты.

Интендант поприветствовал дам и пригласил их следовать за ним. Внутри здание казалось гораздо большим, нежели снаружи. Они проследовали по внушительных размеров холлу. Потом поднялись на лифте на третий этаж. Им выделили красиво обставленные апартаменты с приятным салоном и тремя светлыми спальнями.

– Надеюсь, вас это устраивает? – спросил Роланд де Сурдеваль. Он внимательно наблюдал за реакцией своих гостей. По его лицу было видно, что его предупредили, что дамы должны получить самый лучший прием. Интендант был идеальным представителем человека своей профессии: невысокий, с внимательным взглядом не улыбочивых карих глаз под кустистыми бровями. Он был незаметным и каким-то совершенно невыразительным. Родители явно промахнулись, давая мальчику столь звучное имя. Впрочем, судя по тому, что все было организовано без сучка без задоринки, главный интендант прекрасно знал свое дело и был профессионалом.

– Конечно, все просто чудесно. Нас все устраивает, – кивнула головой Ангелина.

– Вам принесут багаж и предложат прохладительные напитки. Может быть, вы желаете перекусить?

– Нет, спасибо, мы не голодны, хотя от пары бутербродов не откажемся.

– Замечательно, я сейчас же распоряжусь об этом. Конференция начинается в 18 часов в большом салоне. Господин Лорис придет за вами в 16 часов. Он хотел бы провести для вас небольшую экскурсию, – с этими словами мужчина развернулся и аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Честно говоря, у меня возникло ощущение, словно мы попали в ловушку, – медленно произнесла Екатерина.

– Как ни странно, но у меня точно такое же ощущение, – медленно произнесла Ангелина.

– Ну и замечательно, ловушки для того и существуют, чтобы из них выбираться! – бодро заявила Марго. – Вы как хотите, а я в душ. Надеюсь, что они не забудут нас накормить, а то я голодна как волк!

Но Ангелина бодрого настроения своей подруги не разделяла.

– Никак не могу забыть эту убитую женщину, – призналась она.

Действительно, при въезде на территорию замка перед ее глазами словно по команде встали посмертные снимки Женевьевы Бренон.

– Перестань забивать себе голову всякой чепухой! – воскликнула Марго.

– Не могу понять, почему она обратилась именно ко мне? – продолжала Ангелина.

– Может быть, ты ей показалась лицом незаинтересованным и достаточно влиятельным, – пожала плечами Екатерина.

– Не думаю, – отрицательно покачала головой Ангелина.

– Тогда она доверяла человеку, который вас представил. Ты помнишь, о чем точно вы говорили на этой встрече в мэрии и кто тебя ей представил?

Ангелина с сожалением развела руками. Погибшая была уверена, что Лорис не догадывается об истинных целях, которым служит созданный им центр, и хотела поделиться с Ангелиной какой-то информацией. До приезда сюда все это было какой-то смутной догадкой, теперь же, особенно после впечатляющего количества охраны, ее точка зрения изменилась. В отношении Лориса у нее тоже появились совершенно ненужные вопросы. Наверное, потому, что первое очарование прошло, и сразу стали бросаться в глаза нелицеприятные детали. Обычно так говорили окружающие ее мужчины: в сказке лягушка превращается в царевну, а в непримиримой с нашими мечтами действительности царевна – в лягушку. Вот и Лорис преображался на глазах, или просто-напросто это она стала смотреть на него новым взглядом. Сняла розовые очки и сразу заметила сморщенную кожу шеи, дряблость

щек в красную крапинку, блеклость голубых глаз и нарочитый, искусственный загар. Действительно, цвет лица Флориана напоминал слоган рекламной кампании салона моментального голливудского загара: «Стань шоколадкой за пять минут». И в этом было что-то пошлое, жлобское. Она явно предпочитала естественную бледность Филиппа, которая ей казалась более аристократической и интеллектуальной.

Ровно в 16 часов в дверь постучали. На пороге стоял комендант. Ангелина с подругами последовали за ним. В лифте они вновь наткнулись на Кристиана Херманса. Немец вновь неодобрительно посмотрел на женскую троицу. Но ни Ангелина, ни Екатерина, ни тем более Марго не обратили никакого внимания на демонстрируемое Хермансом пренебрежение. Это была его проблема, и к ним она никакого отношения не имела. Так что герр Кристиан явно тратил свой запал зря. На выходе из лифта их уже встречал Флориан Лорис.

– Вы хорошо устроились? – заботливо поинтересовался он.

– Замечательно, – почти хором ответили дамы.

– Тогда, надеюсь, дальнейшее вас тоже не разочарует. Только, – он замялся, – как бы поточнее выразиться, я надеюсь, вы не очень впечатлительные натуры?

– В каком смысле?

– Мне бы очень хотелось показать вам исследовательскую лабораторию Филиппа. Мой центр пока не может представить ничего экстраординарного: там только машины и про-

вода, и я боюсь, что вы заскучаете. Зато Филипп и Кристиан, – он указал на своего соседа, – добились невероятных результатов! Только... – он снова замялся, потом, махнув рукой, добавил: – В конце концов, вы сами поймете и всегда можете выйти.

– Могу заверить вас, Лорис, что к тонкоорганизованным существам ни я, ни мои подруги не относимся. Так что не волнуйтесь, – уверенным тоном заверила его Ангелина.

– Отлично, по дороге расскажу вам немного о месте, где мы находимся. Вас оно впечатлило, не правда ли? Вы знаете, его выбор был неслучайным! История этого замка более чем замечательная. Первое оборонительное сооружение на этом месте было построено во времена знаменитого германского короля Оттона II Рыжего, вам это имя что-то говорит?

– Что-то, – пожала плечами Ангелина.

– Это один из самых выдающихся императоров Священной Римской империи, правивший в самом конце первого тысячелетия нашей эры! – с воодушевлением продолжил Флориан. – Удивительный император и уникальное время: предсказанный Иоанном Богословом в Апокалипсисе конец тысячелетия и преддверие Страшного суда. Время прихода нового мессии и конца света. Правда, большинство, так скажем, интеллектуалов того времени пребывали в более радостном настроении. Для них это было преддверием воцарения на земле Христа и правления всех святых в течение последующей тысячи лет.

– Это я помню, – кивнула головой Екатерина Дмитриевна, – все надеялись, что наступит невиданное ранее время мира и благоденствия, рай должен был прийти на землю.

– Вы – историк?

– В какой-то степени да, – усмехнулась та.

– Вы абсолютны правы. Люди были изгнаны из рая, но рай должен был прийти к ним, вот такой парадокс. Впрочем, в вере никогда не было логики. И вот: подобным воплощением Христа в человеческом облике для многих мыслителей того времени стал сын Оттона II Оттон III.

– Этот замок – одно из императорских владений?

– Не совсем, но он связан с другим не менее важным персонажем оттоновской эпопеи: Гербертом д'Орийяком, монахом-францисканцем из Оверни, ставшим под именем Сильвестра II самым замечательным и уникальным папой, которого только знало католичество! Но о нем позже.

Выйдя из лифта, они обогнули холл и спустились по широкой каменной лестнице в нечто похожее на подвал. Хотя назвать подвалом это помещение язык не поворачивался. Это было огромное, скорее всего выдолбленное прямо в скале подземное помещение, освещенное ярким раздражающим светом неоновых ламп. Прямо перед ними вглубь вели два коридора. Первый был коротким и заканчивался перед сверкающей металлической дверью, второй пропадал в темноте. По пути они наткнулись на группу яростно спорящих мужчин. Среди них с несколько напряженной улыбкой

стоял Филипп Берже. Напротив со сжатыми кулаками находился задиристый субъект лет шестидесяти, а может, больше. Он наскакивал на Филиппа с видом драчливого петуха и махал перед его носом маленьким сухим кулачком. Другие с неодобрением наблюдали, и было непонятно, к кому это неодобрение относилось – к Филиппу или его собеседнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.